

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ХОРВАТСКО-СЕРБСКИХ
ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
(1940–1990-е гг. XX в.)**

В ходе народно-освободительной войны и революции югославянских народов (1941–1945) Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) провозгласила лозунг «братства и единства всех народов и народностей Югославии». 29–30 ноября 1943 г. в боснийском городе Яйце состоялась 2-я сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ), заложившая основы федеративной государственности и образования Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) в качестве первого временного правительства. Сессия приняла решение о создании нового югославского государства, которое будет строиться на принципах равноправия и самоопределения всех ее народов. Спустя два года, 29 ноября 1945 г., Учредительная скупщина в Белграде провозгласила образование Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ), в состав которой вошли шесть республик и две автономии: Босния и Герцеговина; Македония; Сербия с автономным краем Воеводина, автономной областью Косово и Метохия; Словения; Хорватия; Черногория. 31 января 1946 г. была принята первая конституция ФНРЮ, прочитанная поочередно депутатами парламента на сербском (М. Пияде), хорватском (З. Бркич), словенском (М. Брецель), македонском (В. Малеский) языках. Новое государство, возглавляемое КПЮ, формировалось по примеру Советского Союза как система относительно упорядоченных этноязыковых иерархических образований, в пределах которых официальные функции должен был выполнять язык соответствующего этноса. Исключение составляла Босния и Герцеговина, которая в силу многонационального состава своего населения не была раздроблена по национальному принципу образования. Следует также сказать, что сербы, компактно проживающие в Хорватии, не получили собственной автономии, хотя и были признаны «государствообразующим народом» [Фрейдзон 2001: 258].

В Югославии было объявлено юридическое равноправие народов и языков, принципы которого были утверждены еще на 2-й сессии АВНОЮ. Так, в одном из постановлений АВНОЮ от 15 января 1944 г. за № 18 в частности говорится: «Все решения и воззвания Антифашистского веча народного освобождения Югославии и его Прези-

диума как верховной законодательной власти и Национального комитета освобождения Югославии как верховной исполнительной и административной власти публикуются в официальных изданиях АВНОЮ и НКОЮ на сербском, хорватском, словенском и македонском языках. Все эти языки равноправны на всей территории Югославии» (Vjesnik. 19.01.89). 19 декабря 1944 г. председатель НКОЮ маршал Югославии Й. Броз Тито подписывает постановление об издании на сербском, хорватском, словенском и македонском языках «Официальной газеты» (Službeni list) Югославии (см. [Babić 1990: 13–18]). Первые, еще неуверенные шаги новой власти в этноязыковом строительстве носили отчасти вынужденный характер, поскольку в оккупированных Германией государственных образованиях многие народы уже имели свое собственное, раздельное наименование языка. Так, например, в «Независимом Государстве Хорватии» (1941–1945) язык именовался хорватским, а в Сербии – сербским. Новая власть не хотела, по-видимому, казаться менее демократичной, нежели существующие или предшествующие «буржуазные» правительства. Однако наименование языка в республиканских конституциях 1946–1947 гг. несколько видоизменяется. Так, в Хорватии судопроизводство ведется уже на «хорватском или сербском языке», в Сербии на «сербском, а в автономных образованиях и на хорватском», в Боснии и Герцеговине на «сербском или хорватском языке», а в Черногории на «сербском языке» [Караджа 1991: 314–315]. К концу 1940-х гг. оппозиция в Югославии была полностью сломлена или репрессирована, КПЮ усиливает свое господствующее положение во всех сферах общественной жизни, в стране устанавливается централизованное государственное управление. Идеологами КПЮ вынашивается утопическая доктрина так называемого марксистского «югославизма», т. е. по существу старые идеи о будущем добровольном единении и слиянии южнославянских (движение иллиризма в первой половине XIX в.), югославянских (этноязыковая политика в первой четверти XX в.), югославских народов и их языков (см. [Brozović 1978: 71]).

В послевоенный период в стране развернулись процессы политической, экономической, культурно-идеологической интеграции и межэтнической консолидации, строительства новых вооруженных сил. Важная роль в этих процессах отводилась внутригосударственному языковому единению. В многонациональном, разноязычном государстве встал вопрос о необходимости общего языка межэтнической и межкультурной коммуникации – языка-макропосредника. Язык-макропосредник должен был выполнять не только функцию средст-

ва межэтнической и межкультурной коммуникации, но и не менее важную функцию обслуживания общегосударственных нужд (единое государственное управление, все виды транспорта и внешних сношений, единая армия, почтовая связь и т. д.). Естественное выдвигание общегосударственного межэтнического языка-макропосредника рассматривалось в многонациональной Югославии как инструмент консолидации югославского общества, как одно из важных средств воспитания патриотизма супраэтнического типа. Обеспечение политического, социально-экономического и межэтнического единства, поддержание и усиление патриотизма супраэтнического типа, вновь зародившегося в годы национально-освободительной борьбы, приобрело огромную важность, особенно после разрыва отношений Югославии с СССР и другими социалистическими странами в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда страна оказалась на грани вооруженного конфликта.

В роли языка-макропосредника выступил наиболее распространенный, обслуживающий несколько наций (сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев-муслиман), литературный сербохорватский язык (ЛСХЯ)¹. Полинациональный литературный язык, имея равные социально-коммуникативные и юридические права с другими языками (словенский, македонский), фактически превосходил эти языки по объему и сфере применения. Об этом, в частности, свидетельствовал и тот факт, что среди словенцев, македонцев, албанцев, венгров и других этнических групп было развито двуязычие.

В то же время язык названных этносов не был единым, строго нормированным, унифицированным языком на всей территории своего распространения. Полинациональный литературный язык на протяжении около двух столетий функционировал в условиях культурно-исторической, геоэтнической, государственной и политической разобщенности его народов на территории Хорватии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины (лишь 1 декабря 1918 г. югославянские народы были объединены в составе одного государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев). Он сложился на базе (ново)штокавских говоров в виде ряда имеющих тождественную основу национально-территориальных стандартно-языковых вариан-

¹ В нашей стране язык, о котором идёт речь, традиционно именовался как сербохорватский или сербскохорватский, а изредка и хорватосербский со значением хорватской разновидности языка [Гудков 1999: 170]. С распадом единого государства (СФРЮ) и изменением правового статуса языка меняется и его лингвоним: хорватский язык, сербский язык, босняцкий язык, а в последнее время встречается и название черногорский язык.

тов и переходных образований, наиболее распространенными среди которых явились: западный (хорватский) и восточный (сербский). В середине 1950-х гг. вопросам кодификации литературных норм и культуры речи постепенно придается политический и культурно-идеологический характер. На начальном этапе этноязыкового строительства необходимо было ослабить, а впоследствии и нивелировать этноязыковые различия хорватов и сербов. Предпринимаются попытки ослабить этноязыковые различия, унифицировать и кодифицировать литературный язык прежде всего хорватов и сербов.

В сентябре 1953 г. «Летопис Матицы сербской» опубликовал в г. Нови Сад анкету «Вопросы сербскохорватского литературного языка и правописания». В опросе приняли участие известные югославянские лингвисты, писатели, журналисты и общественные деятели, среди них А. Барац, А. Белич, С. Винавер, Л. Йонке, Г. Крклец, П. Скок, М. Стеванович, И. Франгеш, М. Франичевич, Й. Хорват и др. Вслед за этим в г. Нови Сад с 8 по 10 декабря 1954 г. состоялось совещание, на котором была принята резолюция из десяти пунктов. В ней декларировалось, что сербы, хорваты и черногорцы говорят на одном языке. Литературный язык, развивающийся на основе единого народного языка вокруг двух культурных центров – Белграда и Загреба, представляет собой единый язык с двумя нормами произношения – экавской и иекавской. Официальное наименование языка должно быть двукомпонентным и содержать указание на два говорящих на этом языке народа – сербов и хорватов (srpskohrvatski / hrvatskosrpski jezik). Кириллический и латинский алфавиты провозглашались равноправными на всей территории своего бытования. На совещании было принято решение подготовить и издать совместными усилиями словарь современного «сербскохорватского / хорваткосербского» литературного языка; выдвигалась задача выработки единой терминологии. Была осуждена практика «перевода» текстов, написанных в разных культурных центрах, с одной разновидности языка на другую. Участники совещания решили безотлагательно разработать единый орфографический кодекс. Резолюцию Новисадского совещания подписали 25 литераторов и лингвистов (из Хорватии – 7, из Сербии – 15, из Боснии и Герцеговины – 3), к ним присоединились еще 64 деятеля культуры и науки, среди которых были известные писатели Мирослав Крлежа (1893–1981) и Иво Андрич (1892–1975) [Dogovor o jeziku i pravopisu 1989: 2]. В соответствии с «Резолюцией Новисадского совещания» была сформирована комиссия из представителей Белградского, Загребского и Сараевского университетов, Сербской и Югославской Акаде-

мии наук, которой поручалась разработка проекта новых правил правописания. В комиссию по разработке новых правил правописания вошли: Р. Алексич, А. Белич, Й. Вукович, Л. Йонке, Р. Лалич, С. Павешич, П. Рогич, М. Стеванович, М. Хаджич, И. Хамм, М. Храсте. Результатом их сотрудничества явился выпуск в 1960 г. параллельных изданий (латиницей и кириллицей) в Загребе и Нови Саде совместного свода правил правописания ([Pravopis hrvatskosrpskoga književnog jezika / Правопис српскохрватског књижевног jezika 1960]). Этими правилами достигалось решение спорных орфографических вопросов, хотя устранить все расхождения между двумя разновидностями нормы правописания не удалось. Новое правописание представляло собой своеобразный орфографический компромисс, сплав правил правописания А. Белича в Сербии и Д. Боранича в Хорватии. Для национальной интеллигенции это было время больших перемен, надежд и чаяний, но, как скоро выяснилось, иллюзорных.

В 1963 г. была принята новая конституция, которая изменила не только название государства: «Социалистическая Федеративная Республика Югославия» (СФРЮ), но и юридически закрепила новый лингвоним: «сербскохорватский / хорваткосербский язык», кодифицированный в совместном правописании 1960 г. В статье 131 Конституции СФРЮ говорится: «Союзные законы и другие общие акты союзных органов публикуются в официальной газете федерации на языках народов Югославии: сербскохорватском, соответственно хорваткосербском, словенском и македонском. Органы федерации в официальном общении придерживаются принципа равноправия языков народов Югославии» [Конституция СФРЮ 1966: 94–95]. В республиканских конституциях Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины в официальном использовании был принят «сербскохорватский язык», а в Хорватии – «хорваткосербский».

Официальное признание резолюции Новисадского совещания не означало устранения вариантных расхождений, не давало каких-либо преимуществ той или иной этнолингвокультурной среде. В то же время в 1950–1960-е гг. «сербскохорватский» (сербский) литературный язык расширяет и упрочивает сферы своего влияния. Так, после Новисадского совещания 1954 г. ежегодный «Статистический календарь» публикуется на нескольких языках, исключая «хорваткосербский» (хорватский) язык (до 1971 г.); по загребскому радио новости дня в 10 часов вечера транслировались до 1958 г. с эквальной нормой произношения; в 1950-е гг. администрация запрещает использовать хорватские названия месяцев (*siječanj, veljača, ožujak*

и др.) и т. п. ([Jonke 1971: 31–49]). В середине 1950-х – начале 1960-х гг. М. Лалевич издает в Белграде пособия «Наше правописание» («Наш правопис») и «Сербскохорватский в моем кармане» («Српскохрватски у мом џепу»), в которых многие слова, употребляемые преимущественно в сербской среде (*Југословен, Вавилон, хемија, кафа* и др.), характеризуются как «более приемлемые» по сравнению с соответствующими образованиями в хорватской среде [Лалевич 1963]. В 1963 г. М. Московлевич издает «Словарь русского и сербскохорватского языков» («Речник руског и српскохрватског језика»), в котором хорватскую лексику (*колодвор, крух, казалиште, зрак, рајчица, оток* и др.) составитель помечает как областную, т. е. диалектную ([Московљевић 1963]). Вышеупомянутые публикации вызвали протесты и критику со стороны прежде всего хорватских лингвистов (см.: [Jonke 1971: 305, 365; Vince 1959 / 60; Finka 1966 / 67: 69; Ujčić 1966 / 67: 150]). Следует отметить, что процесс перевода нейтральной хорватской лексики в разряд стилистически маркированной наблюдался и в предшествующие периоды совместного проживания хорватов и сербов в Королевстве Югославии (1929 г.). По наблюдениям И. Пранковича, в 1930-е гг. многие хорватские слова в белградском лингвистическом журнале «Наш язык» (издается с 1932 г.) сербские лингвисты относили к архаизмам, варваризмам, провинциализмам, диалектизмам или к искусственным образованиям. К примеру, хорватские слова *ubojstvo, tko, taliti* объявляются архаизмами; *naputak, spodoba, kralježnica* – провинциализмами; *tlak, dojam, tajnik* – варваризмами, а *četvero, uporaba, rabiti, osebujnost* квалифицируются как диалектизмы (см. [Pranjković 1998: 147–155]). В послевоенный период, отмечает С. Вукоманович, сербский унитаризм стремился к «искусственному слиянию и стиранию культурных и языковых особенностей. Югославянство часто воспринималось в тот период как (над)нация» [Vukomanović 1987: 94]. В этих условиях стремление использовать язык преобладающего этноса для внутригосударственной интеграции воспринималось отдельными деятелями хорватской культуры и науки, общественными институтами Хорватии как проявление унитаризма со стороны господствующей нации, этноязыковой дискриминации, посягательство на их конституционные права, вызывая в качестве ответной реакции усиление тенденций республиканского и этноязыкового размежевания и отделения. Попытки унифицировать литературный язык в сложившихся к тому периоду социально-политических и экономических условиях привели к обратным результатам. Они усилили хорватский лингворегионализм, сопутствующий регионализму, воз-

никающему на социально-экономической почве. Сущность лингво-регионализма сводится к утверждению и защите родного языка населения республики, к стремлению доказать его самобытность и высокую коммуникативную ценность (см. [Чернышев 1978: 145–146]). Унитаристская доктрина марксистского «югославизма» на практике переросла в свою противоположность, в идеи экономического, политического (республиканского), этноязыкового, а в перспективе и государственного размежевания и разделения. В сложившихся социально-политических условиях язык как общественное явление всё больше и больше стал приобретать политическую значимость. Первопричина обострения языковых проблем состояла прежде всего в нерешенности межнациональных отношений.

Межнациональные и межреспубликанские противоречия особенно обострились в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В Хорватии, Сербии, Словении прокатилась волна студенческих выступлений и забастовок с требованиями ускорить процесс реформ, предоставить республикам большую экономическую и политическую самостоятельность. Органы хорватской печати («Hrvatski književni list», «Hrvatski tjednik», «Studentski list», «Omladinski tjednik» и др.), радио и телевидение культивировали страх перед «экспансией сербского элемента и возможной этнической ассимиляцией хорватского населения». Поддерживалось мнение, что на хорватов смотрят как на виновников преступлений усташей, что экономический потенциал Хорватии используют прежде всего в интересах более многочисленной нации, ограничивают ее культурную самобытность и т. п. (см. [Perić 1976: 13–21, 203–204]). В сербской же среде культивировалось мнение, что «сербь – это наиболее многочисленная нация, больше всех пострадавшая в народно-освободительной борьбе, внесшая большой вклад в создание Новой Югославии ..., а следовательно, она (нация. – А. Б.) должна обладать большей властью; играть решающую политическую роль в стране...» [Vukomanović 1987: 50, 94]. В связи с этим выдвигалась идея исключительности сербского народа, на который возлагалась миссия по единению и сплочению всех народов и народностей СФРЮ. Обострение межнациональных противоречий вызвало в этнолингвокультурной хорватской среде опасение оказаться под господством более многочисленной сербской нации, подвергнуться этноязыковой ассимиляции, что, в свою очередь, придавало политическую остроту и языковому вопросу. Не следует также забывать о том, что хорватам в прошлом не раз приходилось бороться против насаждения латинского, немецкого (габсбургско-австрийского), венгерского, итальянского (венецианского), сербско-

го языков. Борьба за сохранение родного языка являлась частью национально-освободительного движения хорватского народа за свою независимость. В целом же «межнациональные противоречия обычно определяются социально-экономическими факторами» [Бромлей 1981: 302; 1983: 334]. Так, возникновение межнациональных противоречий конца 1960-х – начала 1970-х гг. К. Йончич и И. Перич связывают с социально-экономическими проблемами, охватившими страну, прежде всего в сфере регионального производства и неравномерного федерального распределения материальных благ (см.: [Йончич 1967: 25–26]; [Perić 1976: 210–214]). Межреспубликанские и межнациональные противоречия обострялись в результате общей децентрализации экономической и политической системы единого федеративного государства.

В июне 1950 г. Народная скупщина ФНРЮ приняла Основной закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями со стороны трудовых коллективов. В соответствии с ним вся полнота власти в сфере хозяйствования передавалась рабочему совету. В середине 1950-х гг. самоуправление распространялось на многие отрасли народного хозяйства. Процесс децентрализации управления общественными делами стал охватывать и непромышленные виды деятельности: просвещение, культуру, здравоохранение, социальное обеспечение. КПЮ на VI партийном съезде (Загреб, 1952 г.) формально отказалась от своей ведущей роли в управлении государством, переименовав свою организацию в Союз коммунистов Югославии (СКЮ). В 1960-е гг. в структуре народного хозяйства усилилась экономическая диспропорция между более развитыми (Словения, Хорватия, Воеводина) и менее развитыми (Босния и Герцеговина, Македония, Черногория, Косово) регионами страны. Для разрешения нарастающих проблем и противоречий с 1965 г. начала осуществляться социально-экономическая реформа. В ходе реформы заметно обострились межреспубликанские и межнациональные противоречия. В этих условиях была предпринята попытка решить проблему межнациональных отношений путем реформы политической системы. В 1967–1971 гг. были приняты поправки к Конституции СФРЮ, значительно расширившие права республик, которые получили большую экономическую и политическую самостоятельность. Однако кризисные явления в стране продолжали нарастать, углубляя децентрализацию по мере перехода от централизованного федеративного государства к децентрализованному конфедеративному устройству (см. [Каменецкий 1985: 16–25]).

Тенденции к обособлению югославского народного хозяйства в границах республик и краев, переход от федеративного к конфедеративному устройству усиливали национальное и административно-территориальное обособление республик, вызывая межреспубликанские и межнациональные противоречия, а они, в свою очередь, придавали остроту языковому вопросу, способствовали лингворегионализму, дивергентному развитию языка. Всё это, естественно, не могло не сказаться на судьбе решений Новисадского совещания. Прагматическое осознание общности, полезности и целесообразности использования одного кодифицированного языка-макропосредника в многонациональном сообществе, с одной стороны, и беспокойство за судьбу собственной этнолингвокультуры, с другой, не способствовали дальнейшему языковому единению на основе компромиссов. Попытки проведения совместной языковой политики, стандартизации и кодификации в условиях дезинтеграции социально-экономических и политических процессов в целом не увенчались успехом.

Отсутствие собственного этнолингвонима и ограничение языковых прав на использование родного языка вызвали волну протестов среди научных учреждений и культурных обществ Хорватии. В 1965–1966 гг. ряд научных учреждений и обществ Хорватии (Društvo književnika Hrvatske; Zagrebački lingvistički krug Hrvatskog filološkog društva; Znanstveni kolektiv Instituta za jezik JAZU) выступили в лингвистическом журнале «Язык» (издается с 1952 г.) против попрания конституционных прав хорватского народа на самостоятельное развитие и наименование своего языка, против неоправданного вмешательства средств массовой информации в тексты оригиналов и т. п. (см.: [Zaključci plenuma Društva književnika Hrvatske 1965 / 66]; [Rezolucija Zagrebačkog lingvističkog kruga 1965 / 66]; [Izjava o jedinstvu i varijantama hrvatskosrpskog književnog jezika 1965 / 66]).

В Загребе 9 марта 1967 г. правление Матицы хорватской избирает комиссию из 7 человек, которой поручалось составить и разработать текст декларации о праве хорватского языка на собственное наименование и равноправное функционирование среди других языков народов Югославии. В состав комиссии вошли известные хорватские языковеды и литературоведы: М. Брандт, Д. Брозович, Р. Катичич, Т. Ладан, С. Михалич, С. Павешич, В. Павлетич. Непосредственным поводом для составления декларации послужил призыв Союзной скупщины к гражданам страны всенародно обсудить и внести некоторые поправки в Конституцию СФРЮ 1963 г. После продолжительной дискуссии текст «Декларации о названии и поло-

жении хорватского литературного языка» был принят большинством голосов единогласно². 17 марта 1967 г. «Декларация» была опубликована в загребской газете «Telegram». Текст «Декларации» подписали 18 научных, научно-педагогических учреждений и обществ (Matica hrvatska; Društvo književnika Hrvatske; Hrvatsko filološko društvo; Institut za jezik JAZU; Katedra za suvremeni hrvatskosrpski jezik Filozofskoga fakulteta u Zadru i Zagrebu; Institut za lingvistiku Filozofskoga fakulteta u Zagrebu; Društvo književnih prevodilaca Hrvatske и др.). В ней утверждалось, что резолюция Новисадского совещания о праве каждого народа на самостоятельное и равноправное развитие родного языка не выполняется. Проводится в жизнь концепция единого «государственного языка». Причем в роли «государственного языка» выступает «сербский литературный язык». Этот «государственный язык» при посредстве административно-управленческого аппарата и средств массовой информации в силу его использования в Югославской народной армии, в союзном законодательстве, дипломатии и политических организациях навязывается в качестве единого языка хорватов и сербов. Тем самым хорватский литературный язык, по мнению авторов «Декларации», вытеснялся и ставился в неравноправное положение «локального наречия», т. е. регионального диалекта сербского литературного языка. Хорватская интеллигенция требовала более четкой формулировки этнолингвонимов в статье конституции, а также предоставления правовых гарантий для сохранения равноправного развития этнолингвокультурного разнообразия югославянских народов и народностей. Авторы «Декларации» отмечали, что нынешняя формулировка основного закона страны о «сербскохорватском / хорватскохорватском языке» из-за своей неточности позволяет на практике вольно трактовать эти наименования как синонимы, а не как основу для равноправия хорватского и сербского литературных языков. Научные и общественные организации, подписавшие «Декларацию», требовали обеспечить последовательное использование хорватского литературного языка в просвещении, журналистике, общественной и политической жизни, средствах массовой информации Хорватии, т. е. там, где исторически обитает этноязыковая хорватская общность (см. подробнее: [Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika 1997]).

19 марта 1967 г. состоялся пленум Союза писателей Сербии, на котором в ответ на хорватскую «Декларацию» было принято решение

² Двое были против – по воспоминаниям Л. Жупановича.

опубликовать сербскую декларацию. 3 апреля 1967 г. в газете «Борба» была опубликована декларация под названием «Предложение для размышления» («Предлог за размишљање»). В этом документе, под которым стояли 42 подписи, призывалось аннулировать решения Венского литературного соглашения 1850 г. и Новисадского совещания 1954 г. Авторы «Предложения» декларировали право на самостоятельное и равноправное развитие хорватского и сербского языков.

Оба лингво-политических манифеста, по сути дела, лишь обострили межэтнический языковой конфликт, признав право на существование самостоятельных литературных языков. В многочисленных материалах, появившихся в средствах массовой информации, «Декларации» и «Предложение» квалифицировались как попытки подорвать «единство и братство югославских народов». Положения, выдвинутые в этих документах, встретили осуждение со стороны правящей коммунистической партии. Многие деятели культуры, члены СКЮ, подписавшие «Декларацию» или активно участвовавшие в ней, были исключены из партии или получили строгие партийные выговоры. Среди них: М. Брандт, Д. Брозович, Л. Йонке, З. Комарица, З. Кузманович, С. Михалич, Я. Равлич, И. Франгеш. Д. Цар, а вслед за этим М. Крлежа самостоятельно выходит из партии, подав письменное заявление в ЦК Союза коммунистов Хорватии (см. [Pavičić 1991: 23]). Центральные комитеты Союза коммунистов Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины в 1967–1968 гг. издали специальные документы, в которых призвали устранить недостатки и упущения в языковой теории и практике. В этих постановлениях не ставились под сомнение решения Новисадского совещания. Речь шла прежде всего об их более последовательном претворении в жизнь, о том, что «открытые языковые вопросы необходимо решать спокойно и трезво, с полной научной и политической ответственностью» [Izvršni komitet CK SKH i CK SKS o suvremenoj jezičnoj problematici 1967/68: 65–67; Izvršni komitet CK Bosne i Hercegovine o suvremenoj jezičnoj problematici 1967/68: 129–130]. Однако эти призывы носили скорее декларативный и отчасти сдерживающий характер, нежели практическое законодательное осуществление действительного равноправия. Как отмечает Е. Ю. Гуськова, «авторитарный коммунистический режим и однопартийная система сдерживали центробежные тенденции, гасили многие проявления национального самосознания, насильственно заглушали, но не разрешали имевшие место межнациональные противоречия» [Гуськова 1992: 60].

Пристальное внимание и обостренную реакцию вызвало в Хорватии издание первых двух томов совместного «Словаря хорватско-сербского / сербскохорватского литературного языка» («Rječnik hrvatskosrpskoga / srpskohrvatskoga književnog jezika»). Еще до Новисадского совещания Матица хорватская и Матица сербская начали работу по созданию общего толкового словаря. В 1967 г. были выпущены два тома (до буквы К), напечатанные латиницей и кириллицей в Загребе и Нови Саде. В Хорватии они подверглись резкой критике. Словарь, в частности, критиковался за отсутствие многих хорватских слов, за преимущественное использование в нем в качестве иллюстраций произведений сербских писателей (см.: [Brozović 1969: 19–88]; [Taj hrvatski 1992: 79–84]). В словаре прослеживается также стремление ослабить, затушевать, нивелировать этноязыковые и территориальные лексические расхождения. Например: **ваздух** м. = **зрак** 1. смеса **плинова, гасова** која чини атмосферу и коју удишему, **уздух** [Речник српскохрватског књижевног језика 1967: 320]. «Жаль, – пишет В. П. Гудков, – что в словаре, объявленном информационным, нет сведений о территориальной распространенности той части лексики, которой активно владеют носители одного варианта языка и пассивно – другого. Цитаты из произведений сербских и хорватских авторов, сообщаемые в словарных статьях, не дают ясного представления о взаимоотношениях лексем, входящих в дублетные пары (*гас – плин, ваздух – зрак* и т. п.) двух вариантов языка» [Гудков 1968: 115]. В 1969 г. Матица хорватская отказалась от издания последующих томов, мотивируя свой отказ необходимостью доработки словаря и недостатком финансирования. Следующие четыре тома были напечатаны Матицей сербской только кириллицей.

Отказ от совместного издания словаря послужил поводом к расторжению договоренностей, принятых на Новисадском совещании. В 1971 г. Матица хорватская, Институт языка Югославянской академии наук и искусств, Общество хорватских писателей и другие научные учреждения и культурные общества Хорватии в одностороннем порядке вышли из договора.

Следует отметить, что метод регулирования межъязыковых отношений с помощью заключения компромиссных общественных договоров и соглашений, при одобрении и под наблюдением республиканских и центральных органов партии, не привел к осуществлению принятых планов. Ни один из пунктов Новисадского договора не был полностью реализован на практике. К примеру, новые правила правописания 1960 г. не устранили имеющихся расхождений между хорватской и сербской нормой. Каждая этнолингвокультурная среда

(языковой коллектив) придерживалась в правописании той традиции, которая была ей ближе и привычнее. В совместном своде правил правописания допускается свободное употребление таких фонематических вариантов слов, как: *Cipar* и *Kunar*, *kaos* и *хаос*, *kemija* и *хемија*, *ocean* и *океан*, *opći* и *опити* и т. д. Однако в хорватской языковой среде, как правило, употребляются лишь *Cipar*, *kaos*, *kemija*, *ocean*, *opći*, а в сербской среде – *Kunar*, *хаос*, *хемија*, *океан*, *опити*. Официальное название языка, принятое в совместном правописании и закрепленное в конституции, не в равной мере использовали четыре республики, официальным языком которых являлся «сербскохорватский / хорваткосербский». К выработке единой терминологии хорватские, сербские и сараевские лингвисты фактически не приступали ввиду выявившихся разногласий.

Процессы конвергенции и унификации языка и одновременно его дивергенции и дифференциации не привели югославянское языковое сообщество в лице ее национальной (хорватской, сербской) интеллигенции к созданию в стране языковой терпимости и лояльности. Совместные межнациональные мероприятия, проводимые в рамках кодификации норм литературного языка, как констатирует В. П. Гудков, и инициированные Новисадским соглашением и его решениями, прекращены и заменены акциями в границах отдельных республик [Гудков 1976: 102]. Неудачи совместного языкового планирования связаны во многом с тем, что недостаточно полно учитывались общие тенденции социально-экономического, политического и языкового развития, а также история межэтнических отношений двух народов. Попытки ускорить внутриязыковое единение не соответствовали процессам внутригосударственной дезинтеграции.

В 1974 г. в СФРЮ была принята новая конституция, которая оставляла решение языкового вопроса на усмотрение республик и краев. Федеральные законы и правовые акты публиковались на языках субъектов федерации. В Конституции Хорватии (ст. 138, п. 1) использовался «хорватский литературный язык – стандартная форма литературного языка хорватов и сербов в Хорватии, который именуется хорватский или сербский», в Сербии – сербскохорватский язык (лингвоним не меняется), в Боснии и Герцеговине – сербскохорватский / хорваткосербский в иекавской произносительной норме, в Черногории сербскохорватский (в иекавском произношении), в Словении и Македонии соответственно – словенский и македонский, в Косово – албанский, сербскохорватский и турецкий, в Воеводине – сербскохорватский / хорваткосербский, венгерский, словацкий, румынский, русинский.

Несмотря на общий демократизм в языковой политике, в стране продолжали нарастать явления напряженности в межнациональных и межъязыковых отношениях. Так, например, в Словении эти проблемы во многом были связаны с произошедшими здесь в послевоенные годы этнодемографическими изменениями – значительным притоком сюда населения из других регионов Югославии. Эти изменения во многом были обусловлены (благодаря наличию в республике сравнительно развитых инфраструктур и более высокой оплате труда) интенсивным строительством в ней промышленных предприятий. Различия культурного уровня, бытовых традиций, языковые барьеры, а отчасти и специфика социального статуса пришлого населения по сравнению с местным создавали у последнего почву для обострения этноязыковых чувств. Мигранты часто отказывались изучать словенский язык – официальный язык республики, во-первых, из-за схожести южнославянских языков, во-вторых, из-за того, что словенцы, как правило, знали язык мигрантов. В свою очередь македонцы всё чаще выражали беспокойство за судьбу своего языка, поскольку македонский язык, по их мнению, находился под сильным влиянием сербскохорватского языка.

В начале 1980-х гг. в СФРЮ усилились тенденции к децентрализации единого государства. Функции Федерации ставили центр в зависимость от республик и краев. Переход от централизованного федеративного государства к децентрализованному конфедеративному устройству вызвал рост национального самосознания всех наций. Процессы внутринациональной этнической консолидации стали преобладать над процессами межнациональной консолидации. Внутригосударственная дезинтеграция усугубляла межэтнический языковой конфликт.

Установление ограничений или привилегий при использовании на государственном уровне одного из языков преобладающего этноса, несмотря на его широкую распространенность и продолжительность употребления в межэтнической и межкультурной коммуникации, ставит его носителей в привилегированное положение. Иные языки оказываются в ущемленном положении, функционируя лишь в пределах административно-территориальных единиц, субъектов федерации (республик, автономных областей). Представители национальной интеллигенции заявляют, что обретение «так называемой независимости» (образование старой буржуазной и новой социалистической Югославии) означает всего лишь перемену имперских амбиций новых хозяев. Соответственно, периодически возникают попытки национального меньшинства выйти из состава полиэтниче-

ского государства и создать свое независимое государство с собственным этнолингвонимом. К примеру, в Словении по отношению к сербскохорватскому (сербскому) языку в ЮНА возникла оппозиция в среде словенской молодежи. Высказывались требования вывода югославских войск из республики, использования словенского языка в воинских частях и в наименованиях военных объектов, расположенных на территории Словении (см.: [Pavić 1986: 4]).

В ходе различных дискуссий одна из противоборствующих сторон нередко стремилась использовать в своих интересах недовольство части своего этноса в других субъектах федерации, вызванное несправедливым, с ее точки зрения, решением языкового вопроса. Так, еще на пятом съезде славистов, проходившем в 1965 г. в г. Сараево, хорватские лингвисты выступили с критикой устранения из языкового употребления в Боснии и Герцеговине хорватской лексики и введения в литературный язык сербской. Это квалифицировалось как ущемление языковых прав хорватов и мусульман, проживающих в этой полиэтнической республике (см.: [Hraste 1965 / 66: 112–113]; [Jonke 1971: 28]). В свою очередь, сербские лингвисты говорят о неравноправном языковом и социально-экономическом положении сербов, проживающих в Хорватии (см. [Ивић 1986: 17–51]).

Не прекращались взаимные упреки в неиспользовании тех или иных лексических единиц в различных национально-территориальных разновидностях языка. Примером могут служить публикации с анализом функционирования вариантно-поляризованной лексики в школьных учебниках Хорватии и Сербии. Хорватские школьные учебники критиковались за отсутствие общеупотребительной сербскохорватской лексики, сербские – за отсутствие хорватской лексики. Так, в некоторых школьных учебниках, как отмечает Ф. Буторац в статье «Национализм и язык», вообще не употребляются такие общеупотребительные слова, как *систем, метал, музика, композитор* и др. Вместо этого последовательно вводятся и употребляются *sustav, kovina, glazba, skladatelj* и др. ([Butorac 1985: 19]). В свою очередь, в сербских школьных учебниках, как отмечает З. Диклич в статье «Языковые истины и неистины», отсутствует хорватская лексика. Так, в сербском букваре нет таких слов, употребляемых в Хорватии, как *kruh, trokut, ravnalo, višekatnica, listonoša* и т. д. В сербских хрестоматиях, пишет З. Диклич, употребляются лишь такие слова, как *muzika, raspoloženje*, а в хорватских – *glazba* и *muzika, krajolik* и *pejzaž, ugođaj, atmosfera* и *raspoloženje* и т. д.) [Diklić 1989: 14–15]).

Статьи по вопросам этноязыковых отношений стали периодически

появляться в хорватской и сербской печати, что свидетельствовало об актуализации и нерешенности этой важной социально-политической проблемы. В частности, отмечалось, что в хорватских средствах массовой информации и в издательской деятельности при опубликовании переводов иностранной литературы хорватские переводчики и редакторы зачастую проводят кампанию «чистки» литературного языка от «сербизмов» или «иностранных заимствований», «неправомерного произвольного употребления архаичных и искусственно созданных слов» (см.: [Дмитриев 1981: 153–154]; [Malić 1988: 42–44]). Однако пуризм в СР Хорватии не приобрел столь массового характера, да и не мог обрести в период господства СКЮ, как это пытались иногда преподнести отдельные журналисты, партийные функционеры или лингвисты.

В 1985 г. ЦК Союза коммунистов Хорватии (ЦК СКХ) предпринял очередную попытку стабилизировать межэтнические языковые отношения, централизовать этноязыковую политику на территории Хорватии. 2 декабря 1985 г. состоялось заседание Президиума СКХ, на котором были утверждены основные положения языковой политики («Stavovi o aktualnim pitanjima jezične politike»). В постановлении Президиума ЦК СКХ подчеркивалась необходимость обеспечения равноправия и соблюдения толерантности в использовании хорватского или сербского языка, взаимного сближения народов и народностей, дальнейшего развития социалистической революции, укрепления рабочего класса в СР Хорватии. Президиум ЦК СКХ решительно осудил как проявления сепаратизма, так и унитаризма в области языка. В качестве ближайшей ставилась задача создать свод правил правописания и продолжить издание «Словаря хорватско-сербского языка» (подробнее см. [Babić 1990: 177–185]).

В Загребе 4 февраля и 18 апреля 1986 г. состоялось рабочее совещание Президиумов Центральные комитетов Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии, Черногории и автономных краев Косово и Воеводины, в котором приняли участие также специалисты в области языка (из Хорватии – В. Анич и Й. Силич, из Боснии и Герцеговины – М. Шипка), представители научных, культурных и образовательных учреждений. На совещании была принята «Резолюция Загребского соглашения» («Zaključci Zagrebačkog dogovora»), по сути, программа языковой политики СКЮ. В первой части резолюции дана краткая оценка межэтнических языковых отношений. Во второй части раскрыты как негативные, так и положительные тенденции в развитии языка; в третьей – намечены пути выхода из создавшейся языковой ситуации.

Цель языковой политики центральных и республиканских органов СКЮ состояла в том, чтобы, с одной стороны, усилить роль партийно-государственной власти во всех сферах общественной жизни, включая язык, а с другой – ослабить этноязыковую напряженность, унифицировать и кодифицировать полинациональный язык в его вариантных реализациях (подробнее см.: [Babić 1990: 165–185]; [Багдасаров 2001: 42–43]).

7 декабря 1988 г. Конституционный Суд СФРЮ принял решение о неконституционности п. 1 ст. 138 Конституции СР Хорватии, где говорится об использовании и наименовании хорватского литературного языка. Основанием для принятия данного решения явилось, по мнению судей Конституционного Суда СФРЮ, ущемление прав сербского населения Хорватии, так как в названии «хорватский литературный язык» отсутствует указание о его принадлежности и сербам.

Попытка хорватского парламента изменить с помощью поправки ХLI формулировку ст. 138 Конституции СР Хорватии вызвало волну протестов со стороны общественных организаций, научных обществ и коллективов (Общество хорватских писателей, Институт языка Югославянской академии наук и искусств, Хорватское филологическое общество, Философский факультет Загребского университета и др.).

Хорватские общественные организации и научные общества вновь выступили против «попрания конституционных языковых прав хорватского народа на самобытное развитие, собственное наименование и использование хорватского языка». Схожие массовые движения в защиту родного языка наблюдались, как указывалось выше, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в период роста национального движения и публикации известной «Декларации о названии и положении хорватского литературного языка». Хорватский парламент после долгих дебатов отклонил конституционную поправку ХLI, в которой говорилось об «официальном использовании хорватского или сербского языка».

«Лингвистическая специфика и уникальность языкового образования особо подчеркиваются в политически острых ситуациях и становятся тем основанием, на котором выдвигаются лозунги его защиты, предоставления ему прав», – писал Л. Б. Никольский [Никольский 1986: 100]. Лозунги утверждения и предоставления правовых и социально-экономических гарантий защиты собственно хорватского языка использовались общественными организациями, научными и культурными учреждениями Хорватии для внутриэтни-

ческой и внутриязыковой консолидации масс. Приверженность культуре и истории собственно хорватского языка настолько ощущима в хорватской этнолингвокультурной среде, что она не только определяла использование данного языкового образования в социокультурных и этнополитических целях, но и обуславливала его выдвижение из состава тождественного языка, стимулируя его дивергентное развитие и последующую кодификацию.

Уже в конце 1960-х – начале 1970-х гг. языковая политика на территории Хорватии и Сербии носила нецентрализованный характер. Она характеризовалась различными параметрами. Для Сербии в большей мере была характерна ретроспективность языковой политики. Ее меры были направлены главным образом на сохранение существовавшей языковой ситуации и языковой системы, выработанными решениями Новисадского совещания. Ретроспективность мотивировалась необходимостью сохранения преемственности языкового единства сербов, хорватов, черногорцев и мусульман. Для Хорватии же была характерна перспективность языковой политики. Ее меры были направлены на изменение языковой ситуации и языковой системы, на обособление хорватского языка и его нормы. Необходимо отметить, что при распаде единого федеративного государства Сербия и Черногория выступали за сохранение федерации, тогда как Хорватия и Словения – за конфедеративное устройство страны. Попытки усилить и укрепить роль центра с помощью принятия поправок к Конституции СФРЮ 1988 г. не дали должного результата.

В январе 1990 г. в Белграде состоялся последний XIV съезд СКЮ. Словенская, а затем и хорватская делегации покинули съезд из-за разногласий о путях дальнейшего развития партии и ее роли в жизни страны. СКЮ фактически прекратил свое существование. Страна резко перешла от однопартийной к многопартийной политической системе. Многие национальные политические партии и движения стали выдвигать лозунги переустройства и разъединения страны. Начавшаяся в различных регионах страны междоусобная война, имеющая трагические последствия для всех югославянских народов, окончательно похоронила надежды на какое-либо возможное сохранение единого государства. 25 июня 1991 г. Хорватия (Республика Хорватия) и Словения (Республика Словения) официально провозгласили свою независимость, а в 1992 г. была провозглашена Союзная Республика Югославия (СРЮ), состоящая из двух республик – Сербии и Черногории. 22 декабря 1990 г. Собор Республики Хорватии, а 17 апреля 1992 г. Скупщина СРЮ приняли новые Конституции своих стран. Согласно ст. 12 Конституции Хорватии: «В Республике Хорватии официальным является хорватский язык и

латинский алфавит», а согласно ст. 15 Конституции СРЮ: «В Союзной Республике Югославии официальным является сербский язык и кириллический алфавит».

Итак, внутригосударственная дезинтеграция, распад СФРЮ и образование на постюгославском пространстве новых государств не могли не сказаться на языковой ситуации, дивергентном развитии и функционировании языка хорватов, сербов, черногорцев и босняков (муслиман). Поиски взаимоприемлемых решений по урегулированию этноязыковых разногласий, стандартизации и кодификации литературного языка названных этносов посредством подписания Новисадского 1954 г. и Загребского 1986 г. соглашений не привели стороны к общему языковому согласию. Литературный хорватский и сербский языки в сложившейся социолингвистической ситуации в Хорватии и Сербии приобрели собственный правовой статус и стали развиваться автономно.

Л и т е р а т у р а

- Багдасаров 2002 – *Багдасаров А. Р.* О нормировании хорватского литературного языка и языковой политике в 80–90-х гг. XX в. // *Славяноведение*. 2002. № 3.
- Бромлей 1981 – *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981.
- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Гудков 1968 – *Гудков В. П.* [Рец.:] Новый толковый словарь сербскохорватского литературного языка // *Советское славяноведение*. 1968. № 6.
- Гудков 1976 – *Гудков В. П.* [Рец.:] П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975 // *Советское славяноведение*. 1976. № 3.
- Гудков 1999 – *Гудков В. П.* Славистика. Сербистика: Сб. статей. М., 1999.
- Гуськова 1992 – *Гуськова Е. Ю.* Кризис федерации и концепция его преодоления // *Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992)*. Т. 1. М., 1992.
- Дмитриев 1981 – *Дмитриев П. А.* Двухязычный словарь языка писателя и варианты литературного языка (на примере Словаря И. Андрича) // *Очерки лексикографии языка писателя: Двухязычные словари*. Л., 1981.
- Ионич 1967 – *Ионич К.* О межнациональных отношениях в Югославии / Пер. с сербскохорв. Белград, 1967.
- Каменецкий 1985 – *Каменецкий В. М.* Основные этапы строительства социалистического общества в СФРЮ // *Социалистическая Федеративная Республика Югославия*. М., 1985.
- Караджа 1991 – *Караджа М.* Конституционные аспекты языковой проблематики в Югославии // *Функционирование языков в многонациональном обществе*. М., 1991.
- Конституция СФРЮ 1966 – Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии 1963 г. / Пер. с сербскохорв. М., 1966.
- Никольский 1986 – *Никольский Л. Б.* Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986.
- Фрейдзон 2001 – *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. СПб., 2001.
- Чернышев 1978 – *Чернышев В. А.* Динамика языковой ситуации в Северной Индии. М., 1978.

Славјански вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

- Ивић 1986 – *Ивић П.* Развој књижевног језика на српскохрватском језичком подручју // *Књижевност*. 1986. № 10.
- Лалевић 1963 – *Лалевић М. С.* Српскохрватски у мом цепу. Књ. 1–3. Београд, 1963.
- Московљевић 1963 – *Московљевић М. С.* Речник руског и српскохрватског језика. Београд, 1963.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1. Београд, 1967.
- Babić 1990 – *Babić S.* Hrvatski jezik u političkom vrtlogu. Zagreb, 1990.
- Brozović 1969 – *Brozović D.* Rječnik jezika ili jezik rječnika?: Varijacije na temu varijanata. Zagreb, 1969.
- Brozović 1978 – *Brozović D.* Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mjene kao jezika hrvatske književnosti // *Hrvatska književnost u evropskom kontekstu*. Zagreb, 1978.
- Butorac 1985 – *Butorac F.* Nacionalizam i jezik // *Komunist*. 1985. 5. jula.
- Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika: Građa za povijest Deklaracije. 3. izm. i dop. izd. Zagreb, 1997.
- Diklić 1989 – *Diklić Z.* Jezične istine i neistine // *Vjesnik*. Panorama subotom. 1989. 23 prosinca.
- Dogovor o jeziku i pravopisu 8. XII. 1954 // *Vjesnik*. 1989. 8 prosinca.
- Finka 1966 / 67 – *Finka B.* I jedinstvo jezika i književne varijante // *Jezik*. 1966 / 67. № 3.
- Hraste 1965 / 66 – *Hraste M.* O trećoj varijanti hrvatskosrpskog književnog jezika // *Jezik*. 1965 / 66. № 4.
- Izjava o jedinstvu i varijantama hrvatskosrpskog književnog jezika // *Jezik*. 1965 / 66. № 5.
- Izvršni komitet CK SK Bosne i Hercegovine o suvremenoj jezičnoj problematici // *Jezik*. 1967 / 68. God. XV.
- Izvršni komitet CK SKH i CK SKS o suvremenoj jezičnoj problematici // *Jezik*. 1967 / 68. God. XV.
- Jonke 1971 – *Jonke Lj.* Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća. Zagreb, 1971.
- Malić 1988 – *Malić Z.* Jezik pod osobitim nadzorom // *Danas*. 1988. № 338 (9 kolovoza).
- Pavić 1986 – *Pavić N.* Htjeli li etnički čistu JNA // *Vjesnik*. 1986. 27 travnja.
- Pavičić 1991 – *Pavičić J.* Dnevnik deklaracijskih zbivanja // *Deklaracija o hrvatskome jeziku s priložima i Deset teza*. 2. izd. Zagreb, 1991.
- Perić 1976 – *Perić I.* Suvremeni hrvatski nacionalizam. Zagreb, 1976.
- Pranjković 1997 – *Pranjković I.* Hrvatski standardni jezik u staroj Jugoslaviji // *Croatica: Prinosi proučavanju hrvatske književnosti*. God. XXVII. Sv. 45–46. Zagreb, 1997.
- Rezolucija Zagrebačkog lingvističkog kruga // *Jezik*. 1965 / 66. № 5.
- Taj hrvatski 1992 – *Taj hrvatski: Prired. A. Selak*. Zagreb, 1992.
- Ujčić 1966 / 67 – *Ujčić T.* Zapadna i istočna varijanta hrvatskosrpskog književnog jezika u školama // *Jezik*. 1966 / 67. № 5.
- Vince 1959 / 60 – *Vince Z.* [Rec.:] M. S. Lalević: Naš pravopis. Beograd, 1958 // *Jezik*. 1959 / 60. № 2.
- Vukomanović 1987 – *Vukomanović S.* Jezik, društvo, nacija. Beograd, 1987.
- Zaključci plenuma Društva književnika Hrvatske o problemima suvremenog jezika hrvatske književnosti, znanosti, školstva i sredstva masovne komunikacije // *Jezik*. 1965 / 66. № 5.